

Патрушев Сергей

Что такое любовь

Сергей Патрушев

Что такое любовь

«Автор»

2026

Патрушев С.

Что такое любовь / С. Патрушев — «Автор», 2026

В промозглой московской мастерской встречаются лёд и пламя: Юля — гениальный аналитик, верящая только в дофамин и Excel-таблицы, и Кристина — богемная художница, живущая магией «здесь и сейчас». Их дружба — это огненный танец цинизма и веры, где споры о биохимии любви перерастают в спасение от депрессии, побеги в Сибирь и танцы на барных стойках. Это история о том, как две сломанные женщины пытаются собрать друг друга по частям, доказывая, что любовь — это не идеальная симметрия, а смелость любить чужие трещины.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кофе, круассаны и определения	5
Глава 2. Бывшие как учебники	11
Глава 3. Любовь в эпоху Tinder	18
Глава 4. Бабушка сказала	25
Глава 5. Любовь к себе или эгоизм?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Патрушев

Что такое любовь

Глава 1. Кофе, круассаны и определения

Сентябрьский дождь в Москве — это не стихия, а состояние воздуха. Он висит плотной серой взвесью между сталинскими высотками на Баррикадной, превращая суету Садового кольца в приглушенный гул старого аквариума. Внутри кофейни «Зерно» было сухо, пахло жженой карамелью, мокрой шерстью чужих пальто и чем-то неуловимо бумажным, как в старой библиотеке.

Юля сидела за столиком у окна, поджав под себя ногу в тяжелом армейском ботинке. Перед ней остывал флэт-уайт, оставляя на молочной пене идеальный коричневый круг от доньшка чашки. Она смотрела сквозь стекло на людей, бегущих к метро с поднятыми воротниками, и методично разламывала миндальный круассан на микроскопические фракции. Слойка крошилась, роняя лепестки теста прямо на ее черную водолазку. Юля этого не замечала. Ее внимание было поглощено экраном смартфона, где она только что закрыла статью о мезолимбическом пути.

Дверь открылась, впуслав волну сырости и звон колокольчика. Кристина вошла стремительно, стряхивая капли с огромного холщового шоппера, набитого так плотно, что он напоминал беременного пингвина. На ней был твидовый пиджак оверсайз, из-под которого выглядывало кружево ночной сорочки вместо блузки — классический богемный промах по дороге из дома сразу в город.

— Я принесла тебе твою смерть, — выдохнула она, плюхаясь на диванчик напротив и протягивая Юле бумажный стаканчик со сморщенной крышечкой. — Двойной эспрессо. Без сахара. Ты сегодня похожа на недокрученную гайку.

— Спасибо, я уже заказала лактозный эквивалент счастья, — Юля кивнула на свой флэт-уайт. — И судя по тому, как дрожат твои руки, твой день начался еще вчера ночью. Опять верстала каталог для той художницы?

— До четырех утра, — Кристина рухнула на спинку дивана, закрыв глаза. — У нее там инсталляция из использованных тест-полосок на беременность. Называется «Надежда статистической погрешности». Гениально же? А заказчик сказал, что хочет больше «воздуха в макете». Воздуха! В макете про вагинальные выделения!

Она громко расхохоталась, привлекая взгляд сонного бариста. Юля едва заметно поморщилась, но затем уголки ее губ дрогнули. Это была их старая, привычная игра: хаос Кристины разбивался о монолитное спокойствие Юли, создавая идеальное равновесие.

Кристина открыла один глаз, выудила из своего бездонного мешка пакетик с ванильным сахаром, надорвала его зубами и высыпала половину в собственный американо. Вторую половину она попыталась всыпать Юлие во флэт-уайт.

— Даже не думай, — Юля накрыла чашку ладонью. — Если ты испортишь мне баланс аминокислот, наш разговор начнется с лекции о гликемическом индексе, а мы оба знаем, что ты уснешь на слове «инсулин».

— Наш разговор все равно начнется с лекции, — фыркнула Кристина, размешивая сахар. Она сделала большой глоток, поморщилась от горечи и наконец посмотрела на подругу серьезно. — Выкладывай. Что случилось? Ты позвала меня сюда в десять утра в субботу. Ты ненавидишь утро субботы. Для тебя выходные начинаются не раньше полудня, когда солнце успевает хотя бы частично разрушить утренний туман над рекой.

Юля положила смартфон экраном вниз. Стерла с водолазки невидимую крошку. — Ничего не случилось. То есть, биологически ничего. Просто Марк прислал голосовое. Сорок секунд. Сказал, что соскучился.

— И? — Кристина напряглась, подавшись вперед. — Ты же говорила, вы расстались месяц назад из-за того, что он храпит, как дизельный генератор, и оставляет волосы в сливе. — Мы расстались потому, что его префронтальная кора оказалась недостаточно развита для понимания концепции личных границ, — ровно ответила Юля. — Но физически он сложен пропорционально. Золотое сечение, почти идеальная симметрия лица. Когда он скинул голосовое, у меня внутри... шелкнуло. Вот здесь. — Она постучала пальцем по грудной клетке, чуть левее центра. — Резкий спазм диафрагмы. Тепло в эпигастрии. Зрачки расширились, я проверила в зеркале в ванной. Пальцы стали теплыми.

Она замолчала, глядя куда-то сквозь плечо Кристины. — Это дофамин, Крис. Обычный выброс дофамина в ответ на триггер. Мозг узнал паттерн. Голос Марка ассоциируется с периодом высокой концентрации окситоцина. Прошлый опыт закрепил нейронную связь: «Марк плюс уязвимость равно безопасность и секс». Сейчас лимбическая система просто выдает аванс. Наградное предвкушение. Химический крючок, который остался после того, как сам человек давно перестал быть актуальным.

Кристина слушала этот анатомический отчет, медленно багровея. Она взяла круассан, который Юля покрошила, собрала остатки теста в кучку пальцами и отправила в рот. — Господи, Юль, — прощамкала она с набитым ртом. — Тебе двадцать семь лет. Ты красивая, умная, переводишь Борхеса с испанского, чтобы расслабиться. Почему ты позволяешь своему мозгу трахать тебя изнутри?

— Потому что это единственное, что им занимается, — парировала Юля. — Все остальное — иллюзия. Эстетика обмана.

— Нет, — Кристина решительно поставила пустую чашку на блюде. Звякнула ложка. — Это магия. Самая настоящая, первобытная, грязная магия. И твоя химия — это просто язык, которым эта магия пишет свои заклинания в нашем теле.

Спор, который определит остаток их дня, начался именно в эту секунду. Не как ссора, а как столкновение двух разных гравитационных полей.

— Магия — это то, что люди придумали, чтобы не чувствовать себя одинокими перед лицом собственной смертности, — Юля откинулась на спинку стула, принимая академическую позу лектора. — Древние греки видели молнию и думали, что Зевс злится. Они не понимали электрического разряда. Мы понимаем. Любовь — это электрический разряд. Серотонин дает нам чувство эйфории, пока мы влюблены. Окситоцин заставляет нас прижиматься друг к другу, имитируя материнскую привязанность, чтобы снизить кортизол — гормон стресса. Вазопрессин отвечает за моногамию у млекопитающих. Понимаешь? Твоя великая, вечная любовь — это коктейль из вазопрессина и привычки. Привычка снижает активность миндалевидного тела, отвечающего за страх. Рядом с партнером становится не страшно. Вот и вся романтика. Удобный эволюционный механизм для совместного выращивания потомства, которое рождается настолько беспомощным, что ему нужны два взрослых человека минимум лет пятнадцать, чтобы оно не умерло.

Кристина слушала, качая головой. Затем она достала из сумки блокнот в кожаном переплете и огрызок карандаша. Она всегда рисовала, когда нервничала или концентрировалась. — Ты смотришь на скрипку Страдивари через электронный микроскоп, — тихо сказала она, начиная быстро штриховать край салфетки. — Видишь древесные волокна, состав лака, плотность грифа. Ты можешь измерить частоту вибрации струны. Но ты никогда не услышишь музыку. Музыка возникает в тишине *между* нотами. Так и тут.

— Какая музыка, Крис? — вздохнула Юля. — Там нет музыки. Там есть биохимическая целесообразность. Мне грустно одной вечером, уровень серотонина падает, мозг ищет самый

быстрый способ его поднять. Самый быстрый способ — социальное одобрение и тактильный контакт. Марк доступен, он предсказуем, алгоритм срабатывает. Система вознаграждения кричит: «Иди к нему, получи дозу!» Это не душа томится. Это желудок просит еды, только вместо глюкозы — чужой запах шеи и пульс под ухом.

— Запах шеи! — оживилась Кристина, словно поймав добычу. — Отлично. Давай про запах. Феромоны. Ты сама сейчас привела аргумент против своей лаборатории. Почему одного человека хочется нюхать бесконечно, зарываться носом в ключицу, а от другого, даже если он идеально подходит генетически и социально несет банкомат на плечах, тошнит на третьей минуте свидания? Почему от Марка у тебя спазмы, а от Ильи, твоего научного руководителя, у тебя только желание сдать главу диссертации? Илья объективно красивее. У него выше IQ. От него пахнет дорогим парфюмом и типографской краской. А от Марка пахнет дешевым стиральным порошком и тревогой. Но тебя тянет к Марку. Где здесь логика коры головного мозга?

— В иммунных комплексах главного гистосовместимости, — мгновенно отозвалась Юлия. — Исследования Института Макса Планка. Женщины подсознательно выбирают мужчин с максимально отличающимся набором генов иммунной системы, чтобы потомство имело широкий спектр защиты от вирусов. Нас привлекает запах тех, чья ДНК дополнит нашу. Это чистая биология выживания вида. Никакой мистики. Тебя тошнит от одних, потому что их гены слишком похожи на твои. Инцест-протектор.

— Допустим, — Кристина нарисовала в блокноте спираль. — Допустим, мой насморк — это детектор инбридинга. А как ты объяснишь то, что происходит *после*? Когда гормоны утихают. Через год. Через три. Когда окситоциновая лихорадка проходит, пелена спадает, и ты видишь перед собой обычного человека с дурными привычками, который тоже видит тебя настоящую. И в какой-то момент вы смотрите друг на друга через весь кухонный стол, он говорит: «Передай соль», а ты понимаешь, что если он завтра исчезнет, мир схлопнется. Не потому, что упадет уровень гормонов. А потому, что часть твоей реальности держалась на нем. Это квантовая запутанность душ.

— Это созависимость, скорректированная социальным давлением, — отрезала Юлия. — Патологический страх сепарации. Нейроны, привыкшие получать подкрепление от конкретного источника, бьют тревогу при его исчезновении. Ломка. Синдром отмены. Мы называем это великой трагедией любви, а по факту это истерика лимбической системы, у которой отобрали игрушку.

Официант, молодой парень с туннелями в ушах, принес им воду. Его лицо выражало профессиональную готовность улыбаться, но глаза были абсолютно мертвыми. Юлия поблагодарила его ровным голосом. Кристина стрельнула в парня взглядом, от которого тот слегка споткнулся, и снова повернулась к подруге.

— Ты защищаешься, — сказала она вдруг совсем другим, мягким тоном. — Ты строишь вокруг себя этот бетонный бункер из терминов, потому что однажды кто-то очень больно сжег твой личный мезолимбический путь. Кто-то посмотрел на твои рецепторы и решил, что они стоят дешевле прошлогоднего курса валют. И теперь тебе проще объявить саму возможность чуда несуществующей, чем признать, что ты уязвима.

Юлия замерла. Рука, потянувшаяся за стаканом воды, остановилась на полпути. Она сглотнула. — Дело не в уязвимости. Дело в точности. Мне невыносима мысль о неточности. Мир познаваем. Реакция лития на воду предсказуема. Орбита Земли вычисляема. А ваши «бабочки в животе» — это статистическая ошибка интерпретации собственных физиологических процессов. Люди боятся масштаба Вселенной и собственного ничтожества, поэтому придумывают Бога, судьбу и родственные души. Чтобы придать смысл случайному столкновению сперматозоида и яйцеклетки.

— А может, это столкновение и было судьбой? — Кристина хитро прищурилась. — Вероятность вашего появления на свет — один к квадриллиону. Конкретно тебя, Юли Александровой, с этим шрамом на подбородке, любовью к горькому шоколаду и способностью цитировать Лорку по памяти. Это самая сложная математическая модель во Вселенной. Почему зачатие вселенной — это физика, а зачатие чувства — обязательно мусор?

Они говорили час. Потом второй. Круассаны закончились. Эспрессо сменился на зеленый чай для Юли (она жаловалась на тахикардию) и капучино для Кристины. За окном дождь усилился, превратив прохожих в смазанные темные пятна. Свет в кофейне стал желтым и вязким.

Бармен включил джаз — тягучий, контрабасовый. Кристина начала отстукивать ритм пальцами по столу, иллюстрируя свою теорию ритмов Вселенной. Юля разобрала теорию струн применительно к эмпатии, доказывая, что сопереживание — это всего лишь работа зеркальных нейронов, автоматическое копирование моторики и эмоций собеседника для лучшей социальной адаптации.

— Хорошо, — Кристина допила остатки пенки со дна чашки. — Последний аргумент. Сегодня утром, пока ты читала про своих грызунов и дофамин, я зашла в аптеку. Там стояла бабушка. Лет восьмидесяти. Сухонькая такая, в беретике. Она покупала валидол. Стояла, считала мелочь на ладони, руки тряслись. Аптекарь торопил ее. Очередь вздыхала. И тут подошел муж этой бабушки. Такой же старый, в мятом плаще. Он ничего не сказал. Просто взял у нее из рук кошелек, отсчитал деньги, отдал аптекарю, а вторую руку положил ей на спину. Вот так, всей пятерней, между лопаток. И она перестала считать мелочь. Расслабилась. Облокотилась на него. Они стояли посреди шумной, раздраженной аптеки, эти два разваливающиеся старых человека, и вокруг них образовался купол абсолютной тишины. Очередь замолчала. Время остановилось. Скажи мне, Юля. Какой медиатор передает сигнал «я рядом, можно умирать спокойно»? Какая доля гиппокампа отвечает за вот это ощущение, что Бог существует и он просто положил руку тебе между лопаток?

Юля долго молчала. Она смотрела на свое отражение в темном стекле витрины. Капли дождя чертили дорожки, искажая черты ее лица. — Эндорфины, — наконец произнесла она глухо. — Мощный выброс эндорфинов в ответ на снятие социального напряжения. Плюс адреналин от внезапного разрешения ситуации упал, наступила парасимпатическая реакция. Вагус замедлил сердечный ритм. Ей стало легче дышать. Физически легче. Это рефлекторная дуга.

Голос ее звучал неуверенно. Впервые за три часа слова казались картонными, плоскими.

— Называй как хочешь, — мягко улыбнулась Кристина. — Хочешь — называй это активацией блуждающего нерва. А я буду называть чудом. Суть одна. Два одиночества перестали быть одинокими. И науке до этого дела меньше, чем мне до состава облаков.

Входная дверь кофейни снова открылась. На этот раз вместе с дождем внутрь шагил управляющий — мужчина в костюме, который выглядел слишком новым для этого района. Он остановился возле их столика. Его тень упала на разложенные салфетки с набросками Кристины.

— Девушки, — начал он вежливо, но твердо. — Простите, что прерываю вашу... дискуссию. Мы закрываемся.

Юля посмотрела на часы на запястье. Было шесть вечера. День прошел. Солнце, скрытое за свинцовой пеленой, должно было садиться, но снаружи казалось, что наступили глубокие сумерки.

— Мы же открылись только к десяти, — удивилась Кристина, собирая свои карандаши. — Сегодня банкетный день, свадьба на втором этаже, нужно подготовить зал, — пояснил управляющий. — Извините. Можете добить напитки, я подожду.

Он отошел, оставив их в звенящей тишине. Звук кофемолки внизу, на первом этаже, внезапно стал оглушительным.

— Три часа, — констатировала Юля, застегивая куртку. — Мы спорили три часа. Официант поменялся дважды. Ты извела пачку салфеток. — Зато я ни разу не вспомнила про заказчика с менструальной кровью, — бодро ответила Кристина, натягивая объемное пальто. — Прогресс.

Они вышли на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, моментально увлажняя ресницы. Дождь превратился в ледяную крупу. Под ногами хлюпала смесь грязи и опавших листьев.

У перекрестка они остановились. Им было в разные стороны. Кристине — к Маяковской, где она снимала мастерскую в старом доходном доме. Юле — на Патриаршие, в свою стерильную квартиру-студию, где единственным источником хаоса был ноутбук с открытым кодом.

— Ну что? — Кристина перекинула сумку через плечо. — Кто победил? Биология или метафизика?

Юля задумчиво посмотрела на дорогу, пропуская машину, обдавшую их веером грязной воды. — Никто. Вопрос поставлен неверно. Спорить о природе любви — это как спорить о природе океана. Можно изучать соленость воды, течения, флору и фауну Марианской впадины. Это даст тебе власть над океаном. Ты сможешь строить корабли, бурить скважины, предсказывать штормы. Это наука. А можно стоять на берегу и смотреть на горизонт. Чувствовать холод брызг. Бояться глубины. Это поэзия. Одно не отменяет другого. Океан состоит из молекул H_2O , но от этого он не перестает быть бесконечным.

— Хорошая попытка примирения, — фыркнула Кристина, пряча покрасневший от холода нос в шарф. — Но ты опять свела поэзию к химии водорода.

— Потому что водород реален, Крис! — Юля повысила голос, чего почти никогда не делала. — А твой океан смыслов исчезает, как только у человека диагностируют клиническую депрессию и гасят серотониновые рецепторы антидепрессантами! Куда девается магия, когда человеку дают таблетку? Она растворяется в плазме крови. Любовь лечится фармакологически. Значит, это болезнь. Или функция.

— Значит, таблетка — это просто новое заклинание, — упрямо мотнула головой Кристина. — Раньше шаманы били в бубен, чтобы вызвать дождь. Теперь Pfizer синтезирует молекулу, чтобы вызвать радость. Метод меняется. Источник остается прежним. Нам просто нужен свет.

Они помолчали. Ледяной ветер пробирал до костей.

— Марк написал еще раз, — вдруг сказала Юля, доставая телефон. Экран осветил ее бледное лицо. — Просит встретиться. Говорит, что осознал. Что скучает по тому, как я смеюсь.

Кристина закатила глаза. — Твой гипоталамус скучает по вибрациям твоих голосовых связок, которые стимулируют его вестибулярный аппарат. Ромео, блин.

— Я удалила сообщение, — Юля заблокировала экран. — Осознанно. Сознательное управление поведением вопреки импульсу лимбической системы. Префронтальная кора победила базальные ганглии. Один-ноль в пользу эволюции. Мне пора. Замерзла.

— Беги, продукт эволюции, — Кристина быстро, порывисто обняла подругу, крепко прижав к своему мягкому, теплему пальто. — Завтра в четыре в мастерской? Будем пить вино и рисовать голых мужчин для календаря ветеринарной клиники. Нужно заземляться.

— Буду, — Юля коротко кивнула и пошла прочь, высоко поднимая воротник.

Кристина смотрела ей вслед. Она видела, как напряжена спина Юли, как четко, механически двигаются ее ноги. Девушка шла домой анализировать собственное поражение. Или победу. Кристина знала, что сейчас Юля будет сидеть в своей тихой квартире, заварит травяной сбор и попытается рационализировать ту щемящую пустоту, которая неизбежно возникнет в груди, стоит ей остаться наедине с собой. Она назовет это дисбалансом гамма-аминомасляной кислоты.

А Кристина пойдет к себе, будет пить мерзкое дешевое вино из горла, слушать старые пластинки и плакать над фильмом, где главный герой умирает ради спасения собаки. И она

будет знать точно: никакие слезные железы не смогли бы выделить столько влаги, сколько выделила сейчас ее душа, просто потому, что где-то далеко, в темноте осеннего города, идет человек, которому завтра можно позвонить и спросить: «Ты как?»

Она развернулась и пошла к метро, насвистывая мелодию того утреннего джаза. В кармане ее пальто лежала салфетка, на которой среди штриховки было выведено одно слово, жирно подчеркнутое трижды: «тысячелистник». Кристина сама не знала почему. Наверное, просто хорошее, колдовское слово. Почти как «любовь».

Глава 2. Бывшие как учебники

Мастерская Кристины располагалась на последнем этаже дома дореволюционной постройки в районе Патриарших прудов. Чтобы попасть туда, нужно было миновать гулкий колодец двора-колодца, где эхо от шагов металось между мокрыми кирпичными стенами, подниматься по лестнице с выщербленными ступенями и трижды повернуть ключ в замке, который давно требовал машинного масла.

Внутри пахло скипидаром, старой бумагой, озоном от работающего обогревателя и кислым — сухим красным вином из коробки, которое Кристина держала исключительно для творческих нужд. Пространство представляло собой идеальный хаос: подрамники стояли штабелями, как гробы; мольберты были завешаны драпировками, скрывающими незаконченные холсты; пол усеивали обрезки ватмана, огрызки пастели и пустые тюбики из-под титановых белил. Единственным островком порядка был массивный дубовый стол у окна, выходящего на покатые крыши соседних особняков.

Юля сидела на высоком барном стуле, подобрав ноги в тех же тяжелых ботинках. На коленях она держала керамическую пиалу с горячим чаем, грея об нее ладони. Она не снимала куртку — температура в мастерской редко поднималась выше пятнадцати градусов. Перед ней стоял штатив с телефоном, на котором была открыта таблица Excel. Юля методично вносила данные.

Кристина, напротив, сбросила пальто прямо на пол, оставшись в растянутой мужской рубашке, которая едва сходилась на ее груди. Она разливала вино по двум граненым стаканам, найденным, судя по мутному дну, еще во времена НЭПа.

— Ты опять ведешь свой некролог? — кивнула Кристина на телефон Юли, протягивая ей стакан. Вино плеснуло через край, оставив темно-красную кляксу на полях какого-то карандашного эскиза обнаженной натуры.

— Это база данных, а не некролог, — сухо ответила Юля, принимая стакан двумя пальцами за ножку. — Я систематизирую паттерны. Если мы хотим понять алгоритм разрушения, нам нужен массив данных. У меня здесь двадцать три объекта исследования. Точнее, уже двадцать два. Марк переведен в архив «Химическая зависимость нулевого уровня».

Она сделала глоток. Поморщилась. — Господи, Крис, это даже не уксус. Это ацетат отчаяния. Как ты это пьешь? — С аппетитом, — Кристина залпом осушила половину своего стакана и села на перевернутый деревянный ящик. — Так что там с уровнем нуль? Голосовые связки больше не вызывают спазм диафрагмы?

— Вызывают, — спокойно признала Юля. — При прослушивании записи уровень кортизола в слюне гипотетически повысился бы на двенадцать процентов. Зрачковая реакция сохранилась бы прежней. Но префронтальная кора теперь имеет приоритет доступа к моторным функциям. Я заблокировала номер. Нейронная связь ослабнет без подкрепления примерно через сорок восемь дней. Согласно кривой забывания Эббингауза.

Кристина закатила глаза так сильно, что казалось, они сейчас перекаются внутри черепной коробки. — Ты невыносима. Сорок восемь дней! А если он напишет на сорок девятый? Твоя математика рухнет? Или твой мозг просто скажет: «Ошибка 404, страница не найдена»?

— Примерно так, — кивнула Юля. — Мозг пластичен. Дендриты перестроятся. Он станет просто набором букв. Марком звали моего одноклассника, который съел мой сменный ботинок в третьем классе. Тот Марк вызывал у меня ровно такую же эмоцию — легкое недоумение пополам с брезгливостью. Все обратимо, Крис. Вопрос лишь времени и отсутствия стимула.

— А вот Илья, твой научный руководитель, — Кристина прищурилась, делая новый глоток вина. Ее язык начал заметно заплетаться после первого же стакана, но мысли оставались острыми, как стекло. — Илья сидит в твоей таблице?

Юля пролистнула экран смартфона. Палец в кожаной перчатке замер над строкой. — Объект «Илья». Статус: нейтральный фон. Окситоциновая привязанность отсутствует. Выброс дофамина фиксируется только при успешной защите главы о латиноамериканском модернизме. Чистая интеллектуальная стимуляция. Безопасно.

— Скучно, — констатировала Кристина. — Интеллектуальный секс хорош только в книгах Пруста. В реальности хочется, чтобы мужчина хотя бы иногда забывал таблицу умножения, когда смотрит на тебя. Чтобы у него руки тряслись не от болезни Паркинсона или передозировки кофе, а потому что ему восемнадцать лет и он хочет сорвать с тебя одежду прямо в читальном зале Ленинки.

— Мне не нужны трясущиеся руки, — отрезала Юля. — Мне нужна стабильность синапсов. Мы вообще собирались говорить о твоих уроках вселенной. Начинай. Я пока внесу пометку о деградации вкусовых рецепторов под воздействием низкосортных танинов.

Кристина поставила пустой стакан на подоконник. Она подошла к своему рабочему столу, порылась в куче бумаги и вытащила оттуда потрепанный блокнот. Обложка была заклеена вырезками из старых журналов: глаз со змеиным зрачком, анатомическое сердце, разрезанное поперек, рука, держащая нож.

— Хорошо, — сказала она серьезно, возвращаясь на свой ящик. Свет от голой лампочки под потолком падал на ее лицо снизу вверх, превращая его в маску античного театра. — Ты считаешь их объектами. Биологическими единицами. А я считаю их томами. Моя личная библиотека разбитых сердец. Каждый бывший — это книга. Некоторые — тонкие брошюры в мягкой обложке, которые прочитываешь в электричке и выбрасываешь. Другие — тяжелые фолианты в кожаном переплете, которые меняют структуру твоей личности.

— Метафора несостоятельна, — тут же парировала Юля. — Книга статична. Автор умер, текст зафиксирован. Твои бывшие живы. Они эволюционируют. Текст меняется каждый раз, когда ты перечитываешь его пьяной в три часа ночи. Это не литература, это плохой театр импровизации.

— Пусть так, — легко согласилась Кристина, открывая блокнот. — Тогда давай разберем репертуар этого сезона. Вот, например... Антон. Художник-акционист. Тот самый, что прибил свою мошонку к Красной площади.

Юля подняла бровь. — Акционизм требует высокой толерантности к боли. Повышенный болевой порог часто коррелирует с пониженным уровнем эмпатии. Нарциссический радикал. О чем был этот «урок», глава первая?

— Этот урок назывался «Тело как территория свободы», — торжественно произнесла Кристина. — До Антона я думала, что мое тело принадлежит мне. Что мои границы — это кожа. Антон научил меня, что границы — это то, насколько громко ты можешь кричать «нет», когда тебе больно. Он бил меня. Не кулаком. Никогда кулаком. Это было бы слишком примитивно для его перформанса. Он бил меня словами. Знаешь, какая самая токсичная фраза в русском языке, Юль?

— «Я тебя люблю, поэтому делаю тебе больно»? — предположила Юля, делая пометку в планшете.

— Нет. Самая токсичная фраза — это «Ты сама меня довела». — Кристина провела рукой по волосам, заправляя прядь за ухо. Движение было нервным, дерганным. — Антон никогда не повышал голос. Он говорил тихо, почти ласково. «Если бы ты не смотрела на того официанта, мне не пришлось бы напомнить тебе, кто здесь главный». «Если бы ужин был горячее, моя рука не соскользнула бы». И самое страшное — я верила. Мой гиппокамп записывал травму как норму. Адреналин стал моим естественным фоном. Спокойствие начало вызывать

панику. Понимаешь? Мои зеркальные нейроны сошли с ума. Я начала зеркалировать его безумие.

Юля отложила планшет. Чай в пиале остыл, поверхность покрылась тонкой пленкой. — То, что ты описываешь, классифицируется циклическим насилием. Фаза нарастания напряжения, фаза острого инцидента, фаза примирения. Медовый месяц. Во время фазы примирения происходит максимальный выброс окситоцина. Мозг запоминает эту амплитуду. Экстрим становится наркотиком. Грань между страстью и абюзом стирается именно там, где боль начинает ассоциироваться с близостью.

— Спасибо, доктор Менгеле, — горько усмехнулась Кристина. — Очень утешает знать, что мой сломанный нос — это всего лишь нарушение секреции серотонина. Где эта грань, Юль? Дай мне формулу. Где заканчивается «он такой темпераментный, искры летят» и начинается «беги, спасайся»?

— Формула проста, — Юля говорила медленно, тщательно подбирая слова, словно диктовала лекцию первокурсникам. — Грань проходит по страху. Страсть расширяет легкие. Абюз сжимает трахею. Если рядом с человеком ты начинаешь непроизвольно задерживать дыхание, ожидая взрыва, — это конец химии. Начало патологии. Если ты фильтруешь свои слова, прежде чем открыть рот, просчитывая вероятность агрессии, — это не любовь. Это тактическая операция по выживанию в замкнутом пространстве.

— Я фильтровала всё, — прошептала Кристина. — Я стала плоской. Двумерной. Как его графика. Черные линии на белом листе. Ни объема, ни тени. Он высосал из меня цвет. Зачем? Какой в этом был вселенский смысл? Какой урок должен извлечь человек, которого год держали в эмоциональном карцере?

— Урок осознанности травматической связи, — жестко ответила Юля. — Ты извлекла его. Ты ушла. Твой организм перестал вырабатывать адреналин в ответ на звук поворачивающегося в замке ключа. Это победа лимбической системы, наконец-то вышедшей из режима выживания.

— А Денис? — Кристина перелистнула страницу блокнота. Рисунков там не было, только имена, даты и короткие фразы, похожие на эпитафии. — Дениса куда денем? Банкир. Идеальный костюм Brioni. Запах дорогого табака. Руки всегда теплые. Он ни разу не повысил на меня голоса. Ни единого раза за два года.

Юля напряглась. Имя «Денис» прозвучало в мастерской иначе. Воздух стал плотнее, тяжелее. Даже капли дождя, бьющие по стеклу, кажется, стали звучать реже.

— Объект «Денис», — ровным голосом произнесла Юля. — Длительность: семьсот тридцать один день. Уровень финансового обеспечения: высокий. Психологический профиль: пассивная агрессия, газлайтинг класса «А».

— Газлайтинг, — повторила Кристина, катая слово во рту, как кислую ягоду. — Умное слово. Стерильное. А знаешь, как это выглядело на практике? Он приходил домой в два часа ночи. От него пахло чужими духами и шампанским. Садился на край кровати. И смотрел на меня. Просто смотрел. Минут десять. Молча. А потом спрашивал: «Почему от тебя пахнет обидой? Я чувствую запах твоей обиды, Крис. Открой окно, спать невозможно».

Кристина закрыла лицо руками. Ее плечи затряслись — не от рыданий, а от сухого, истерического смеха, который прорывался сквозь плотно сжатые пальцы. — И я вставала. Среди ночи. Шла открывать гребаное окно. Потому что боялась, что если скажу: «От меня пахнет слезами, потому что ты мудака», — он посмотрит на меня своими честными голубыми глазами и скажет: «Милая, у тебя снова приступ паранойи. Тебе нужно сменить таблетки». Он не ломал мне кости. Он растворял мою реальность. По капле. Каждое утро я просыпалась и первым делом проверяла, существую ли я еще. Настоящая ли я. Или это просто удобная проекция его идеальной жены.

Юля встала со стула. Подошла к верстаку, взяла тяжелый медный молоток, взвесила его в руке и положила обратно. Ей нужно было физическое действие, чтобы сбросить накопившее напряжение. — Это называется деструктивный нарциссизм, — сказала она в спину Кристине. — Отсутствие объектных отношений. Для него ты никогда не была субъектом. Ты была функцией. Удобным интерфейсом между ним и обществом. Хороший костюм требует хорошей вешалки. Проблема вешалки в том, что она думает, будто ее выбирают за красоту дерева, а не за способность держать форму пиджака.

— Почему ты тогда молчала? — Кристина опустила руки. Глаза у нее были красными, но сухими. — Два года. Ты видела, как я таю. Как я перестаю шутить. Как я начинаю извиняться перед дверными косяками, если случайно задеваю их плечом. Почему ты, со своей таблицей и своим анализом, ничего не сказала?

— Я сказала, — Юля вернулась к столу, открыла чайник, долила себе холодной воды. — На третьей неделе ваших отношений. Я показала тебе статью о когнитивных искажениях. Цифровой отпечаток его поведения совпадал с чек-листом манипулятора на девяносто четыре процента. Ты посмотрела на меня и сказала: «Завидуешь, потому что у тебя такого мужика нет».

Повисла тишина. Слышно было только, как работает старый советский холодильник в углу, периодически вздрагивая всем корпусом.

— Я помню, — глухо отозвалась Кристина. — Прости. Я была влюблена. Мой дофамин пел гимны. — Дофамин слеп, глух и склонна к членовредительству, — вздохнула Юля. — Любовь биохимически идентична обсессивно-компульсивному расстройству. МРТ мозга человека в острой фазе влюбленности и МРТ человека с ОКР показывают гиперреактивность одних и тех же зон — хвостатого ядра. Мы буквально клинически ненормальны, когда любим. Грань между «я не могу без тебя дышать» и «я реально задохнусь, если ты уйдешь» — это толщина нейронной мембраны.

Кристина налила себе еще вина. Бутылка угрожающе опустела. — Ладно. Допустим. Антон — урок боли. Денис — урок исчезновения. Егор? — она ткнула пальцем в следующую строчку. — Егор музыкант. Лысый, в татуировках, играл индастриал. Жил в сквоте. От него вечно воняло нестиранными носками и перегаром. Но когда он брал гитару...

— Симбиотическая фиксация, — мгновенно включилась Юля. — Компенсация собственной бытовой несостоятельности высоким творческим потенциалом. Классическая ошибка селекции партнера. Ты выбираешь генотип, игнорируя фенотип. Его талант давал тебе социальный кредит среди богемы («Смотрите, я сплю с гением»), а его грязь оправдывала твою потребность быть Спасательницей. Синдром Девы Марии. Чем хуже объект, тем святее миссия. Только проблема в том, что мессия никому не нужен, если от него несет мочой. Люди хотят хлеба и зрелищ, а не грязных ног апостолов в гостинной.

— Ты чудовище, — беззлобно бросила Кристина. — Ты препарировал моих мертвецов, как лягушек на уроке биологии.

— Кто-то же должен проводить вскрытие, пока ты устраиваешь спиритический сеанс, — пожала плечами Юля. — Вернемся к вопросу о дипломе. Ты говоришь: «каждый бывший — это урок». Ок. Давай посчитаем академическую задолженность. Антон — курс домашнего насилия, зачтено. Денис — курс институционального газлайтинга, зачтено. Егор — курс созависимости, зачтено. Михаил — алкоголизм, незачет, рецидив. Игорь — инфантилизм, отчислен за неуспеваемость. Список длинный. Если это образовательная программа, то почему выпускной класс длится уже десятый год? Почему вместо аттестата зрелости я имею хронический бруксизм по ночам и аллергию на слово «судьба»?

Кристина долго смотрела на подругу. Затем медленно, очень медленно допила вино. Поставила стакан. Звук стекла о дерево показался выстрелом.

— Может быть, — тихо сказала она, — дело не в том, что уроки не усваиваются. Может быть, дело в том, что школа жизни — это не университет, откуда выходят специалистами. Это чистилище. И цель этих уроков не в том, чтобы получить красный диплом и пойти работать психологом. Цель в том, чтобы стереть себя в порошок. До основания. До той самой глины, из которой...

— Из которой лепят нормальных людей? — язвительно закончила Юля. — Крис, очнись. Посмотри на нас. Тебе тридцать. Ты живешь в неотапливаемом сарае, рисуешь календари с собаками для заработка и лечишь душевные раны дешевым винищем. Я живу в аквариуме, считаю пульс перед сном и боюсь остаться с мужчиной дольше чем на одну ночь, потому что мой рептильный мозг вычисляет коэффициент угрозы. Мы не очищенная глина. Мы битый фарфор. Нас склеили суперклеем, и мы делаем вид, что трещины — это часть дизайнерского узора.

— А разве нет? — Кристина вдруг оживилась, схватила огрызок угольного карандаша. — Кинтсуги. Японское искусство реставрации. Золотой лак. Трещины не прячут, их подчеркивают. История вещи делает ее дороже. Разве наши шрамы не делают нас нами?

— Кинтсуги работает на вазах, — холодно ответила Юля. — Вазу ставят на полку. Ей восхищаются издалека. Никто не пытается пить из чашки, склеенной золотым лаком. Горячий чай прожжет клей изнутри, и она развалится снова, окончательно. Люди — не предметы интерьера. Нам нужно функционировать. Держать жидкость. Тепло. Жизнь. А твои золотые швы протекают, Крис. Ты плачешь по ночам не от красоты своих травм, а от того, что тебе банально холодно и одиноко.

Кристина с силой ударила карандашом по столу. Графит хрустнул, оставив черную жирную точку на белой бумаге. — Да пошел ты, Патрик Джейн! — выкрикнула она. Слезы, которых не было все эти часы, наконец прорвались. Они текли по ее щекам, размывая тушь, попадая в уголки рта. — Легко быть железной леди, когда у тебя вместо сердца кардиостимулятор из логики! Ты прячешься за свои термины, потому что если ты хоть на секунду позволишь себе почувствовать ту дырищу, которая у тебя внутри вместо души, ты просто сойдешь с ума!

Она вскочила, опрокинув ящик. Прошлась по мастерской, размахивая руками. — Грань между страстью и абюзом! — передразнила она Юлю. — Да плевать на грань! Грань видят те, кто стоит снаружи! Когда ты внутри, когда ты плависься в этом котле, там нет грани! Там есть только вопрос: «Готова ли я умереть сегодня ради вот этого чувства?» И если ответ «да» — это великая любовь. А если «нет» — значит, химия слабая, иди ищи другую дозу. Мой Денис... он ведь тоже любил меня. По-своему. Искалеченно, уродливо, ядовито — но любил. Ему физически больно было смотреть, как я становлюсь сильной. Он задыхался от моей самостоятельности. Это была его страсть — владеть мной, переваривать меня. И моя страсть заключалась в том, чтобы позволить себя жрать. Мы оба получали экстаз от этой каннибализации!

Юля молча смотрела на истерику подруги. Ее лицо оставалось неподвижным, но костяшки пальцев, сжимающих край стола, побелели. Она позволила Кристине выговориться. Позволила прокричаться, разбить еще один карандаш, пнуть стопку старых газет.

Когда Кристина выдохлась и упала обратно на ящик, тяжело дыша, Юля заговорила. Голос ее звучал тише обычного, почти интимно: — Ты романтизируешь разрушение. Называешь его великой любовью, потому что спокойствие кажется тебе смертью. Но настоящая трагедия не в том, что Денис хотел тебя сожрать. Трагедия в том, что ты подставляла шею. Ты путала поглощение с объятиями.

— А в чем разница? — устало спросила Кристина, вытирая лицо рукавом рубашки. — И там, и там тесно. И там, и там тепло.

— Разница в выходе, — Юля наклонилась вперед. Заглянула подруге прямо в глаза. — В здоровых отношениях дверь всегда открыта. Ты можешь уйти в любой момент, и мир не рухнет. Будет грустно, будет ломка, упадет дофамин. Но твоя базовая операционная система останется

целой. В токсичных отношениях двери заварены. Выход возможен только через ампутацию части себя. Ты вышла от Дениса, но оставила там свою радость. Свою спонтанность. Свое право занимать место в комнате, не спрашивая разрешения. Вот цена вашего «экстаза». Каннибализм всегда оставляет одного едока и один труп. Даже если труп продолжает ходить и улыбаться.

Кристина слушала, подавшись вперед. Ее нижняя губа дрожала. — И что делать? — прошептала она. — Если я привыкла только к этому? Если нормальный, теплый, здоровый парень, который приносит мне кофе в постель и не устраивает драм, вызывает у меня физическую чесотку от скуки? Если мне скучно, когда меня не пытаются убить морально?

— Это десенсибилизация, — Юлия выпрямилась. — Перекалибровка нервной системы. После долгого пребывания в зоне боевых действий тишина пугает сильнее артобстрела. Тебе нужно время. Фармацевтическая поддержка, возможно. И главное — информационный вакуум. Перестань искать смыслы в каждом встречном. Перестань считать каждого мудака духовным учителем. Иногда мудак — это просто мудак. Без эзотерической подкладки.

Она взяла планшет, быстро пробежалась пальцами по экрану. — Я обновила базу. Добавила категорию «Экзистенциальная усталость исследователя». Субъект: я. Наблюдение: попытка рационализировать иррациональное приводит к эрозии собственного интеллекта.

Кристина невесело рассмеялась. Хрипло, надломленно. — То есть мы обе в тупике. Ты пытаешься измерить бесконечность линейкой и сходишь с ума от погрешностей. Я ныряю в бездну, разбиваюсь о камни и называю это красивым полетом.

— Именно, — кивнула Юлия. Закрыла приложение с таблицей. Экран погас, погрузив лицо девушки в полумрак. — И самое ужасное, Крис, что завтра утром мы проснемся, выпьем кофе, и я снова пойду переводить Борхеса, пытаюсь найти в его одиночестве математическую гармонию. А ты пойдешь рисовать плакаты для веганского фестиваля, мечтая о мужчине, который однажды разобьет тебе сердце так красиво, чтобы хватило материала на целую выставку.

— Звучит как план, — Кристина подтянула колени к груди, обхватив их руками. Она больше не плакала. Острый пик истерики прошел, оставив после себя выжженную пустыню. — Скажи честно, Юль. Ты боишься их? Мужчин?

Юлия долго смотрела в темноту за окном. Там, внизу, зажглись фонари, расплескав желтый свет по мокрому асфальту. — Я боюсь несоответствия масштабов, — наконец ответила она. — Я смотрю на мужчину и вижу набор переменных. Генетика, воспитание, детские травмы, текущий гормональный фон, уровень сахара в крови. Я вижу код. Матрицу. И я знаю, что если нажать здесь и добавить немного тепла там, можно получить нужную реакцию. Но знание убивает магию, Крис. А жить совсем без магии... — она запнулась, подбирая слово, — ...невыносимо энергозатратно. Приходится постоянно поддерживать искусственную гравитацию вокруг себя, чтобы не улететь в открытый космос собственного цинизма.

— А я боюсь покоя, — тихо призналась Кристина. — В покое я остаюсь наедине с собой. А я понятия не имею, кто такая «Я» без очередного мужчины-зеркала. Антон отражал монстра. Денис отражал пустоту. Егор отражал шлюху с добрым сердцем. Что отразишь ты, если подойдешь ко мне близко?

Юлия протянула руку через стол. Пальцы у нее были длинными, прохладными, с коротко стриженными ногтями. Она не пыталась коснуться Кристины — просто положила ладонь на столешницу, открытой стороной вверх. — Я отражу факты, — сказала она. — Ты существуешь. Тридцатого ноября у тебя дедлайн по макету. Ты ненавидишь лук, но любишь его запах в мясном соусе. Ты храпишь, когда спишь на спине. Ты талантливая. Ты испуганная. Этого достаточно. Никакой магии. Просто физика твердого тела. Я буду стоять здесь и не дам тебе провалиться сквозь пол, когда очередной учитель попытается доказать тебе теорему твоей ничтожности.

Кристина посмотрела на открытую ладонь. Затем медленно, очень осторожно, накрыла ее своей — теплой, чуть липкой от вина и угля. Их руки лежали на старом дереве верстака, контрастируя друг с другом, как день и ночь. Как формула и стихотворение.

— Значит, будем держаться за физику, — прошептала Кристина. — Раз уж Бог оказался плохим чертежником.

Где-то наверху, над их головами, заскрипели старые перекрытия. Наверное, сосед сверху — старый скрипач, игравший по утрам Баха, — решил пройтись по комнате. Звук был ритмичным, тяжелым, похожим на шаги Командора.

Подруги сидели в тишине, соединенные одной точкой контакта. За окном Москва продолжала свой вечный дождь, равнодушная к их химическим реакциям, духовным поискам и разбитым сердцам. Время шло, отсчитывая секунды до того момента, когда одна из них нарушит хрупкое равновесие, потянувшись за бутылкой или за сигаретой, возвращая их жизнь в привычное русло тревожного, несовершенного бытия.

Глава 3. Любовь в эпоху Tinder

Синий свет смартфона заливал лицо Юли мертвенно-бледным, клиническим оттенком. В мастерской Кристины было уже далеко за полночь. Старый обогреватель давно отключился, щелкнув реле, и теперь единственным источником тепла был ноутбук на коленях Кристины, издающий тихий механический гул.

Юля сидела неподвижно так долго, что ее профиль казался вырезанным из черного картона на фоне окна. Она медленно, с почти хирургической точностью проводила большим пальцем по экрану. — Свайп влево, — констатировала она вслух. — Сорок два года, ищет женщину до двадцати пяти для «совместных духовных практик». Практика у него одна, называется кризис среднего возраста и ипотека в Бибирево.

Кристина приоткрыла один глаз. Она лежала прямо на полу, на старом туркменском ковре, подложив под голову свернутую куртку. Бутылка вина стояла пустая рядом с ее раскинутыми ногами. — Духовные практики? — сонно переспросила она. — Это когда он дышит тебе в пупок, пока ты оплачиваешь его счет за электричество?

— Скорее, это когда он просит скинуть ему фото чакр, чтобы настроить свою астральную антенну, — Юля продолжала движение пальца. Механическое, ритмичное: вправо-влево, вправо-влево. Слабая вибрация телефона отдавалась в костяшках пальцев. — А вот этот интересен. Двадцать девять. Архитектор. Фотографии качественные, композиция выстроена по правилу третей. На первой — силуэт на фоне Сити. На второй — руки над чертежами. На третьей — собака породы корги. Классическая триада успешности: амбиции, творчество, эмпатия через питомца.

Кристина села, потирая затекшую шею. Подошла к столу, бесцеремонно взяла телефон из рук Юли и сделала глоток остывшего чая прямо из носика заварочного чайника. — Дай сюда микроскоп твоей души. Посмотрим на архитекторов.

Она уставилась в экран, жуя губу. — Удаляй. — Почему? — возмутилась Юля. — Нейрофизиологически он идеален. Высокие скулы говорят о стабильном уровне тестостерона в пубертате, значит, иммунная система матери была сильна. Собака снижает уровень тревоги при первом свидании на восемнадцать процентов согласно исследованиям Университета Голуэя. Он безопасен.

— Именно поэтому удаляй, — Кристина вернула телефон. Экран снова вспыхнул синим. — Безопасность убивает либидо. Тебе нужен не архитектор половых клеток, а хотя бы минимальный элемент непредсказуемости. Мужчина без собаки. Желательно с сомнительным кредитным рейтингом и татуировкой, значение которой он отказывается объяснять. Твоя префронтальная кора сейчас выбирает отца нации, а твоя миндалина хочет парня, который угонит мотоцикл.

— Моя миндалевидное тело — рудиментарный орган, отвечающий за страх перед хищниками, а не за выбор партнера для размножения, — сухо ответила Юля, но палец замер над профилем архитектора. — И потом, алгоритм подобрал его мне не случайно. Мы совпадаем по музыкальным вкусам на восемьдесят четыре процента. Девять общих исполнителей. Radiohead, Portishead, Massive Attack. Это статистически значимая корреляция схожести мировоззрений.

Кристина театрально застонала и рухнула обратно на ковер, закрыв лицо руками. — Господи, сделай мне больно. Девяносто четвертый год выпуска, высшее образование, любит брит-поп... Юля, очнись. Ты выбираешь мужчину как комплектующие для сервера. Совместимость разъемов, пропускная способность шины, объем оперативной памяти. А любовь — это системный сбой. Это вирус, который ломает всю операционку. Нельзя найти любовь через анкету. Это противоречит самой природе хаоса.

— Можно подумать, вы с Денисом познакомились в очереди за святой водой, — фыркнула Юля, наконец нажимая кнопку «свайп вправо». Возникла надпись: *«Это мэтч! Вы можете начать общаться»*. — Вы наверняка сошлись на почве общей любви к дешевому портвейну и экзистенциальной тошноте.

— Мы столкнулись лбами в курилке Дома художника, потому что оба были пьяны настолько, что приняли дверной косяк за выход, — мечтательно протянула Кристина. — У меня пошла кровь из носа, а он предложил мне салфетку и сигарету одновременно. Романтика первобытного бульона. Никакого алгоритма. Только химия случайного столкновения молекул.

Юля открыла чат. Белое поле ввода сообщения издало требовательный звуковой сигнал, похожий на писк брошенного птенца. Курсор мигал. — Что пишут люди в таких ситуациях? — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. — «Привет» звучит слишком утилитарно. Как приветствие кассиру в супермаркете. «Как дела?» — клише, провоцирующее ответ «нормально», после которого разговор умирает от асфиксии. Нужно что-то остроумное. Остроумие сигнализирует о высоком интеллекте и развитом чувстве юмора, что является маркерами хорошей генетики.

— Напиши ему про корги, — предложила Кристина, закидывая ногу на ногу. — Спроси, делает ли собака тоже архитектурные планы. Или просто напиши: «Твой свитер на третьем фото отвратителен».

— Агрессия на старте отсечет сорок процентов адекватных мужчин, оставив только любителей БДСМ и пикаперов, использующих негхиты, — парировала Юля. Ее пальцы зависли над клавиатурой. — Я пытаюсь вычислить оптимальную длину первого сообщения. Исследования показывают, что сообщения длиной более сорока символов воспринимаются как нуждающиеся, а менее десяти — как ленивые. Золотая середина — двадцать пять слов. Приветствие, контекст наблюдения, вопрос открытого типа.

Она напечатала: *«Алексей, добрый вечер. Корги на фото выглядит подозрительно довольным жизнью. Обычно они похожи на батон хлеба, который очень удивился. Ваша собака всегда такая фотогеничная или это результат пятидесяти дублей?»* Двадцать шесть слов. Идеальное попадание в окно нормы.

— Отправляй, Шерлок, — подбодрила Кристина. — Пойдем покурим, пока твой нейромедиатор ожидания награды вырабатывается от одного факта отправленного сообщения.

Они вышли на пожарную лестницу. Ночь была морозной, сухой. Небо очистилось от облаков, и звезды висели над Москвой редкими, колючими кристаллами — холодными и абсолютно равнодушными. Юля достала электронную сигарету, Кристина — пачку крепких сигарет без фильтра.

— Пахнет одиночеством и онкологией, — прокомментировала Юля, выпуская клуб пара со вкусом манго.

— Пахнет свободой, — огрызнулась Кристина, прикрывая зажигалку ладонями от ветра. — Скажи честно. Зачем мы это делаем? Ты, я, миллионы людей по всему миру. Сидим в своих бетонных коробках, свайпаем лица, как карточки в картотеке НКВД, и называем это поиском счастья. Разве наши бабушки стояли в очередях за хлебом и думали: «Так, этот продавец смотрит на меня на полторы секунды дольше нормы, надо оценить его репродуктивный потенциал»?

— Бабушки жили в условиях дефицита, — выдохнула Юля. — Партнера не выбирали, его распределяли социально-экономическим путем. Институт брака был экономической ячейкой. Сейчас брак — это эмоциональный союз. Эмоции нестабильны. Рынок перенасыщен предложением. Когда товара слишком много, ценность каждой единицы падает до нуля. Поэтому Алексей там, внизу, прямо сейчас, скорее всего, сидит в туалете и свайпает еще десять женщин, пока ждет моего ответа. Закон убывающей предельной полезности.

— Звучит как диагноз сифилиса, а не описание романтики, — Кристина бросила окуроч вниз. Он рассыпался красными искрами во тьме двора. — Но ты права. Мы превратили секс в фастфуд. Зайти в приложение, заказать бургер по акции, съесть, поставить оценку. Если не понравилось — сходить в соседнюю дверь. Никто не хочет готовить ужин. Все хотят доставку. Причем бесплатную и в течение тридцати минут.

В кармане Юли завибрировало. Резко, настойчиво. Звук разорвал тишину лестницы. Она дернулась, едва не выронив кейп. Лицо ее мгновенно изменилось — ушла академическая отстраненность, зрачки расширились, дыхание стало поверхностным. Спазм диафрагмы, выброс адреналина. Чистый физиологический отклик.

— Он ответил, — прошептала она, вытаскивая телефон.

Сообщение гласило: *«У нее синдром короткой ноги, поэтому она всегда немного бежит боком, даже стоя на месте. Похожа на капитана корабля во время шторма. Дублей было четырнадцать. Два из них эпилептические».*

Юля перечитала текст трижды. Уголки ее губ дрогнули, поползли вверх вопреки волевому усилию остаться невозмутимой. — Четырнадцать дублей, — повторила она. — Это указывает на обсессивность. Плюс самоирония высокого порядка. Использование метафоры «капитан корабля». Он читает книги. Уровень кортизола снижается. Вероятность успешного исхода...

— Да забей ты свой мультиметр в задницу! — перебила Кристина, выхватывая телефон у Юли и жадно впиваясь глазами в текст. — Он шутит! Понимаешь? Нормальный человек прислал тебе мем уровня мозга, а не справку о доходах. Пиши ответ!

— Какой? — Юля выглядела совершенно потерянной. Впервые за весь вечер ее аналитический аппарат дал сбой. Она столкнулась с переменной, которую нельзя было измерить. — Если я посмеюсь слишком громко, это покажет высокую нуждаемость. Если проигнорирую шутку, нарушу раппорт. Если пошучу в ответ, должна попасть точно в ту же тональность, иначе возникнет когнитивный диссонанс.

— Напиши: «Надеюсь, среди четырнадцати не было нюдсов самой собаки», — хмыкнула Кристина. — Проверь его на границы дозволенного.

Юля отрицательно мотнула головой. — Слишком рано вводить сексуальный подтекст. Это переводит общение из плоскости «интересные собеседники» в плоскость «потенциальные партнеры для коитуса». Мне нужно сначала верифицировать его социальный интеллект.

Она набрала: *«Четырнадцать. Вы либо перфекционист, либо у вас слишком много свободного времени. В любом случае, ваша собака заслуживает премии "Золотой граммофон" за стойкость».*

Отправила. Положила телефон на перила. Они обе смотрели на темный экран, словно ждали, что оттуда вылетит птица. — Вот оно, современное чистилище, — нарушила молчание Кристина. — Серая зона между «привет» и «давай встретимся». Лимб цифрового общения. Мы тратим дни своей единственной жизни на то, чтобы виртуозно переписываться с людьми, которых никогда не увидим. Мы коллекционеры диалогов.

Экран вспыхнул. *«Перфекционист с избытком времени — идеальное определение безработного архитектора. Зато мой дом идеально симметричен относительно оси страдания. Заходите посмотреть, у меня есть печенки (вру, есть только растворимый кофе)».*

Юля тихо, почти беззвучно рассмеялась. Это был короткий, лающий звук, похожий на кашель, но глаза ее блестели. — Ось страдания. Он использует архитектурный юмор. Это защитный механизм. Гиперрефлексия. Люди, которые так шутят о себе, обычно имеют глубокую травму привязанности. Вероятно, мать была гиперопекающей. Но чувство юмора компенсирует тревожный тип личности. Риски приемлемые.

— Пригласи его завтра на выставку этой вашей инсталляции из прокладок, — предложила Кристина. — «Надежда статистической погрешности». Посмотрим, как работает его вестибулярный аппарат при виде вагинальной крови.

— Не говори глупостей, — Юля впервые за вечер улыбнулась по-настоящему, расслабив мышцы вокруг глаз. — Выставка современного искусства на первом свидании — это психологическая ловушка. Высокая вероятность того, что партнер сочтет тебя претенциозной. Первое свидание должно проходить в нейтральной среде. Кофе. Бар с низким уровнем шума. Место, где можно легко прервать контакт, если данные перестанут сходитьсь.

— То есть ты уже планируешь пути отхода, — констатировала Кристина. — Прежде чем солдат вышел из казармы, ты уже нарисовала карту минных полей. Как ты вообще собираешься влюбиться, если ты заранее выносишь приговор каждому его слову?

— Я не собираюсь влюбляться, — спокойно ответила Юля, пряча телефон в карман пальто. — Я собираюсь провести аудит совместимости. Влюбленность — это энергозатратное состояние измененного сознания. Оно мешает объективному восприятию реальности. Я предпочитаю войти в отношения с открытыми глазами. Понять структуру дефекта, прежде чем подписывать договор аренды на общую жилплощадь.

Они вернулись в тепло мастерской. Кристина тут же завернулась в старый плед индейского племени навахо, который служил ей одеялом, простыней и иногда холстом. — Структура дефекта, — пробормотала она в шерсть. — Бедный парень. Он думает, что пишет смешной девушке с собакой. А на самом деле он сдает экзамен приемной комиссии в лице твоего левого полушария. Знаешь, почему все пишут в анкетах «ищу несерьезное, но посмотрим»?

Юля ставила чайник на плитку. Старая спираль нагрелась докрасна, издав тихий треск. — Страх уязвимости, — отзывалась она. — Прямая декларация серьезных намерений («хочу семью, детей, ипотеку») в приложении для быстрых знакомств маркирует пользователя как отчаявшегося. Социально неприемлемо хотеть близости слишком сильно. Это пахнет отчаянием, а отчаяние биологически непривлекательно. Фраза «несерьезное» — это социальная смазка. Она снимает давление. Она говорит: «Я не буду требовать от тебя выполнения эволюционной программы прямо на втором свидании. Мы можем просто трахаться и смотреть сериалы, пока одному из нас не станет скучно». Это честнее, чем притворяться, что мы ищем судьбу.

— Это трусливо, — Кристина смотрела в потолок, где плясали тени от веток дерева за окном. — Мы боимся сказать: «Мне страшно быть одной». Боимся сказать: «Ты мне нравишься настолько, что я готова выглядеть жалкой». Поэтому мы надеваем броню из сарказма и цинизма. «Ищу несерьезное». А внутри всё сжимается в ледяной ком каждый раз, когда телефон молчит больше часа. Мы стали экспертами по управлению впечатлениями и абсолютными профанами в управлении собственным сердцем.

Чайник засвистел, прерывая ее монолог. Юля заварила крупнолистовой черный чай. Запах бергамота поплыл по комнате, вытесняя запах скипидара и дешевого табака. — Алгоритмы усугубляют проблему, — продолжила Юля, разливая кипяток по чашкам. — Раньше география ограничивала выбор. Ты выбирала из тех, кто живет на твоей улице. Теперь пул потенциальных партнеров равен населению Китая. Мозг не приспособлен обрабатывать такие массивы данных. Наступает паралич анализа. Зачем вкладываться в Алексея с корги, если завтра приложение предложит мне нейрохирурга, играющего на виолончели, который увлекается реставрацией мотоциклов? Мы относимся к людям как к обновлениям программного обеспечения. Версия 1.0 всегда хуже версии 2.0. Нет смысла обновлять систему, если следующая модель выйдет через неделю.

— И в итоге мы остаемся на старой версии Windows 95, одинокие, зато с идеальным процессором, — вздохнула Кристина, принимая горячую чашку двумя руками. — Я вчера удалила Badoo. Раз в пятый за этот месяц. Стояла в душе, смотрела на кафель и поняла, что

забыла, как выглядят нормальные мужские колени. Я помню только размытые фотографии торсов в зеркале спортзала и чужие члены, присланные без предупреждения в два часа ночи. Цифровой дементор высосал из меня желание тактильности. Мне кажется, если меня сейчас обнимет живой человек, я разобьюсь, как глиняная статуя.

— Это сенсорная депривация, — Юля дула на чай, хотя напиток не был горячим. — Твоя нервная система перегружена визуальными стимулами, лишенными подкрепления другими органами чувств. Запаха, тепла кожи, веса человека. Мозг классифицирует эти изображения как информационный шум. Чтобы вывести тебя из этого состояния, Алексею придется совершить физическое действие. Вывести тебя из цифровой плоскости в трехмерную реальность. Вопрос в том, позволит ли твой страх разочарования этому случиться.

— А твой? — Кристина внимательно посмотрела на подругу поверх края чашки. — Алексей написал тебе. Он прошел первичный фильтр. Он забавный. Он любит животных. Он признал ось своего страдания. Что скажет комиссия?

Юля молчала. Она подошла к своему рабочему столу, тому самому, где стоял планшет с базой данных бывших. Открыла верхний ящик, достала оттуда маленький блокнот в клетку. Полистала его. Там были формулы, расчеты вероятностей, графики функции распределения Гаусса.

Она закрыла блокнот. Положила его обратно. — Комиссия голосует за проведение полевых испытаний, — сказала она наконец. — Но протокол безопасности требует соблюдения мер предосторожности. Никаких встреч на моей территории. Публичное место. Длительность встречи — строго девяносто минут. Ровно столько длится средний кинофильм. Если через девяносто минут уровень симпатии не перейдет порог статистической значимости, эксперимент прекращается.

— Жестко, — усмехнулась Кристина. — Ни тебе прогулок под луной, ни держаний за ручку. Лабораторная работа по химии.

— Именно, — кивнула Юля. — Потому что любовь в эпоху Tinder — это самая сложная химическая реакция из возможных. Вам нужно взять двух ингибиторов доверия, поместить их в среду социального давления, добавить катализатор в виде алкоголя и надеяться, что произойдет синтез, а не взрыв. Проблема в том, что большинство современных реакций заканчиваются на стадии обмена электронами в мессенджере. Энергии выйти в реальный мир не хватает. Проще сидеть в темноте и мастурбировать на идею любви, чем идти и сталкиваться с живым человеком, у которого пахнет изо рта по утрам и который храпит.

Кристина вдруг начала смеяться. Сначала тихо, потом громче, сгибаясь пополам под своим пледом. Слезы снова выступили у нее на глазах, но на этот раз это был смех облегчения. — Боже, Юлька... — простонала она. — Иногда мне хочется тебя встряхнуть. Иногда мне хочется быть тобой. Носить твои бронебойные штаны вместо этого кружева, которое цепляется за каждую занозу в этом мире. Просто отключить сердце и включить калькулятор. Наверное, это спасло бы меня от Антона. И от Дениса. И от всех остальных глав моей библиотеки разбитых сердец.

— Спасло бы, — серьезно согласилась Юля. — Но тогда ты не смогла бы плакать на фильмах о собаках. И не написала бы тот эскиз углем, от которого у меня перехватило дыхание в прошлом месяце. Чувствительность прибора напрямую связана с его хрупкостью. Чем тоньше игла, тем точнее измерения, но тем легче её сломать.

Она вернулась к дивану и села рядом с Кристиной, соблюдая дистанцию в тридцать сантиметров — зону личного пространства. — Завтра я пойду пить кофе с архитектором. Я буду анализировать угол наклона его плеч, частоту моргания и количество существительных в его речи. Я буду собирать данные. Но часть меня... — она запнулась, подбирая слово, и это усилие явно отразилось на ее лице, сделав его почти болезненным, — ...часть меня будет просто

женщиной, которая надеется, что у него действительно приятный тембр голоса. Не бархатный бас записного соблазнителя, а обычный человеческий голос. Уставший. Живой.

— Вот это поворот, — тихо сказала Кристина. Тепло от ее взгляда было почти физическим. — Значит, под слоем бетона всё-таки есть грунтовые воды. Осторожнее, Юлечка. Грунтовые воды могут затопить фундамент.

— Я строю дамбы, — слабо улыбнулась Юля. — Из статистики.

Телефон в ее кармане снова завибрировал. На этот раз коротко, робко. Одно сообщение. Юля достала его. Медленно, словно совершая хирургическую операцию, разблокировала экран.

«Растворимый кофе — это моя личная ось зла. Могу принести турку и нормальный сорт. Правда, варить придется у меня, соседи сверху заливают кипятком мои попытки социализации. Зато у них отличный джаз. P.S. Печеньки куплю. Ваши любимые. Те, что крошатся на водолазку».

Юля перечитала последнюю строчку. Вспомнила сегодняшнее утро, миндальную крошку на черной ткани, свои бессонные ночи над статьями о мезолимбическом пути. Откуда он знает? Ах да, соцсети. Глубокий анализ профиля. Сбор разведанных.

Но формулировка... «Те, что крошатся на водолазку». Это невозможно вычислить алгоритмом поиска закономерностей. Это деталь, замеченная человеческим глазом. Случайная, теплая, ненужная для выживания вида.

Ее правая рука, та самая, что методично свайпала анкеты тысячи ночей, сама собой накрыла левую руку, лежащую на колене. Пальцы переплелись. Сухая, прохладная кожа Юли коснулась такой же прохладной кожи другой ее руки. Простой жест самоподдержки. Попытка заземлиться.

— Ну? — нетерпеливо поторопила Кристина. — Симптоматика? Есть пульс?

Юля подняла взгляд от экрана. Посмотрела на подругу. Потом снова на сообщение. — Пульс есть, — призналась она. — Частота увеличилась на семь ударов в минуту. Зрачки рефлекторно расширились при чтении слова «водолазка». Это идиопатическая реакция, не связанная с освещением.

Она глубоко вдохнула запах бергамота, пыли и старых красок. Запах дома Кристины. Запах реальности. — Передай мне карандаш, — попросила она.

Кристина недоуменно протянула ей толстый угольный грифель, испачканный в пыли. Юля аккуратно, стараясь не повредить сенсор, ногтем вывела на экране, прямо поверх фотографии Алексея, маленькую галочку. Так дети отмечают выполненные пункты в списке дел. Затем она открыла поле ввода.

Написала: *«Только учтите: если ваши соседи зальют мою любимую водолазку, вам придется отвечать за порчу государственного имущества. Я хранитель редких видов меланхолии. Требую бережного обращения».*

Поставила точку. Посмотрела на текст. Удалила точку. Поставила смайлик. Маленькую скобку. Максимум доступной ей нежности на данный момент. И нажала «Отправить».

Вибрации не последовало. Сообщение ушло. Галочка загорелась синим. Они сидели в тишине, глядя на этот маленький синий индикатор. Две женщины посреди руин своих прошлых теорий. Одна — готовая поверить в магию архитектуры, другая — вооруженная линейкой, готовая измерить чудо, если оно рискнет появиться на пороге.

Где-то в городе, в своей квартире, Алексей смотрел на такой же синий экран. Возможно, он тоже улыбался. Возможно, его собственная префронтальная кора сейчас вела отчаянную войну с лимбической системой, пытаясь просчитать риски приглашения незнакомки домой.

А высоко над ними, над крышами мастерских и сталинских высоток, равнодушные московские звезды продолжали вращаться по своим вечным, математически безупречным орби-

там, которым было абсолютно всё равно, найдет ли Юля Александрова свое счастье в статистике или окончательно утонет в непредсказуемых водах человеческой привязанности.

Глава 4. Бабушка сказала

Синий свет уличного фонаря, пробивающийся сквозь закопченное стекло мансардного окна, падал на пол мастерской двумя неровными прямоугольниками. Время потеряло свою линейность. После того как Юля отправила сообщение Алексею с корги, реальность словно перешла в режим замедленной съемки. Чай остыл окончательно, превратившись в густую, маслянистую жижу на дне чашек.

Кристина сидела на перевернутом ящике, обхватив колени руками. Плед индейцев навахо сполз на пол, но она этого не заметила — ее бил мелкий, остаточный озноб от выпитого вина и ночной прохлады. Она смотрела на свои руки, на вьезшуюся под ногти угольную пыль.

— Знаешь, что самое смешное? — вдруг тихо спросила она, не поднимая глаз. — Я потратила двадцать семь лет жизни, три университета отношений и половину своей печени, чтобы понять одну вещь. А поняла я ее только сейчас, глядя на то, как ты пишешь: «Я хранитель редких видов меланхолии».

Юля, которая до этого момента неподвижно сидела на диване, напоминая замершую цаплю, слегка повернула голову. В полумраке белки ее глаз казались фосфоресцирующими. — Какую именно вещь? Что сарказм — это лучшая форма социальной защиты для людей с низким уровнем доверия?

— Нет, — Кристина наконец подняла взгляд. Он был ясным, лишенным привычной хмельной мути. — То, что моя бабушка была права. А мы с тобой — две идиотки с высшим образованием.

Она встала. Ее движения были чуть более плавными, чем обычно, словно вино растворило острые углы ее суетливости. Кристина подошла к старому комоду, служившему ей одновременно гардеробом, аптечкой и архивом. Выдвинула нижний ящик с грохотом, который показался в ночной тишине выстрелом. Порылась среди сваленных в кучу колготок, тубиков с краской и засохших багетов.

На свет появилась плоская металлическая фляжка. Старая, потертая, без опознавательных знаков. Кристина свинтила крышку зубами, сделала долгий глоток и поморщилась. — Коньяк, — пояснила она, протягивая фляжку Юле. — Дедушкин. Или прадедушкин. Короче, старше Октябрьской революции. Гадость редкостная, пахнет кирзовыми сапогами и костром, но мозги прочищает лучше твоих антидепрессантов из таблицы Excel.

Юля взяла фляжку с видом исследователя, которому предложили потрогать радиоактивный элемент голыми руками. Понюхала горлышко. Сморщила нос так сильно, что между бровей залегла глубокая складка. — Летучие эфиры сивушных масел. Смертельная доза этанола для женщины моего веса составляет примерно четыреста миллилитров при девяностопроцентной концентрации. Здесь градусов сорок пять, судя по скорости испарения. Рисковать нейронными связями ради фольклорного ритуала...

— Просто сделай один глоток, Спок, — устало перебила Кристина. — Иногда органическая химия должна уступить место экзистенциальной тошноте.

Юля зажмурилась и запрокинула голову. Сделала крошечный, почти символический глоток. Горло обожгло жидким огнем. Она судорожно вдохнула воздух ртом, глаза мгновенно увлажнились. — Это... дистиллят отчаяния, — прохрипела она, возвращая фляжку. — Если бы мой гиппокамп мог записывать вкусы как угрозу выживанию, он бы поставил тег «красный уровень опасности» на запах жженных сухофруктов.

Кристина удовлетворенно кивнула, забрала фляжку и снова приложила к ней. На этот раз надолго. Когда она опустила руку, на подбородке осталась янтарная капля. — Моя бабка жила в деревне под Калугой. Деревянный дом, огород, коза Зинка. Никаких мезолимбических путей. У нее было восемь классов образования и золотые зубы. И когда мне было шестнадцать,

я пришла к ней рыдать во дворе. Помню, у меня тогда первый парень бросил. Лешка со второго подъезда. Сказал, что я слишком громко смеюсь и вообще похожа на взбесившегося воробья.

Она села обратно на ящик, подтянув ноги. Обняла колени. Теперь она выглядела не божественной художницей, а просто очень уставшей маленькой девочкой. — Я лежу на лавке, слезы текут, тушь размазана до самых ушей. Драма шекспировского масштаба. Соседи прячутся за забором. И выходит бабка. В галошах на босу ногу. Выносит миску с шелухой от семечек. Садится рядом. Сидит минуту. Две. Молчит. Только лузгает так, что голуби разбегаются.

Кристина усмехнулась, качнув головой. — Я думала, она ждет, пока я сама успокоюсь, чтобы выдать дежурное: «А вот я в твои годы...» или «Других найдешь». Жду. Терплю. Внутри всё кипит. Хочу, чтобы она хоть слово сказала. Чтобы признала масштаб моей трагедии. А она сидит. Потом дощелкала семечку, выплюнула скорлупку прямо мне на плечо и говорит: «Любовь, Крися, — это когда вместе молчать не скучно».

Юля моргнула. Процессор в ее голове явно завис, пытаясь обработать вводные данные, которые не содержали переменных. — Это антинаучно, — выдала она после паузы. — Молчание — это отсутствие стимуляции слуховых рецепторов. Скучно — это субъективная оценка низкой выработки дофамина при отсутствии новизны. Фраза логически несостоятельна. Это оксюморон.

— Да плевать на логику! — взвилась Кристина. — Ты всегда сначала убиваешь смысл, а потом делаешь вскрытие! Суть не в словах! Суть в том, что она сидела со мной. Рядом. В моем личном апокалипсисе из-за прыщавого Лешки. Ей не нужно было заполнять эфир звуками, чтобы доказать, что она здесь. Она просто *была*.

Кристина посмотрела на Юлю в упор. Взгляд художника, препарирующий натуру перед тем, как нанести мазок. — Вот смотрю я на тебя. Ты гениальная. Ты переводишь Борхеса, ты считаешь пульс любви, ты строишь дамбы из статистики. Но если в комнате повисает тишина больше чем на десять секунд, у тебя начинается паническая атака. Тебе физически больно, когда слова заканчиваются. Потому что тебе кажется, что если замолчать, человек исчезнет. Растворится. Как будто ваши отношения держатся исключительно на трении ваших голосовых связок.

Юля инстинктивно скрестила руки на груди. Защитная поза. Блокировка солнечного сплетения. — Комфортное молчание — это статистическая аномалия для первых этапов знакомства, — быстро заговорила она, защищаясь. — Исследования невербальной коммуникации показывают, что пауза дольше четырех секунд воспринимается собеседником как социальный провал. Неловкость. Мы эволюционно заточены на поддержание диалога. Молчание в пещере означало либо хищника снаружи, либо смерть соплеменника внутри. Мозг интерпретирует вакуум информации как угрозу. Поэтому люди в лифтах смотрят в телефоны или на табло этажей. Они боятся встретиться глазами в тишине. Это базовый протокол тревоги.

— Господи, какой лифт? — простонала Кристина. — Какие протоколы? Мы говорим о душе, Юль! О той самой субстанции, которую твой микроскоп отказывается видеть!

— Потому что её нет! — Юля тоже повысила голос. Звук ударился о низкие своды мастерской и рассыпался сухим эхом. — Есть зеркальные нейроны! Есть синхронизация дыхания! Когда два человека долго находятся рядом, их сердечные ритмы начинают совпадать. Это называется физиологическая синхрония. Им не нужно говорить, потому что их вегетативная нервная система уже общается. Но это биология, Крис! Электричество! Никакой мистики!

Она схватила планшет, открыла его резким движением, едва не сбросив пустые чашки на пол. Экран вспыхнул, освещая ее лицо решительным, фанатичным светом. — Эксперимент, — объявила она. — Нам нужен чистый эмпирический опыт. Чтобы закрыть этот метафизический спор твоей бабушки.

Кристина приподняла одну бровь, делая еще один глоток коньяка прямо из горла. — Опять будешь тыкать в меня электродами?

— Почти, — Юля активировала приложение «Часы», затем «Секундомер». Пальцы ее двигались стремительно. — Тест на совместимость через сенсорную депривацию вербального канала. Правила просты. Мы садимся друг напротив друга. Ровно шестьдесят секунд. Полная тишина. Никакого обмена записями, никакой жестикуляции выше уровня плеч. Прямой зрительный контакт. Если на шестидесятой секунде хотя бы одна из нас почувствует потребность заполнить пространство звуком из-за социального дискомфорта — гипотеза твоей бабушки опровергнута. Если выдержим — я признаю существование нефизиологической связи.

— Ты хочешь превратить объятие в лабораторную крысу, — фыркнула Кристина, но в глазах у нее загорелся азарт. — Шестьдесят секунд, говоришь? По рукам. Только учти, я буду смотреть на тебя взглядом серийного убийцы. Будет честно предупредить твой гипоталамус.

Они переместились. Кристина притащила свой ящик и поставила его точно посередине комнаты. Юля принесла барный стул. Они расположились друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки. Колени практически соприкасались.

Кристина отсалютовала фляжкой и сделала последний глоток. Спрятала ее в карман рубашки. Выпрямила спину, расправила плечи, приняв максимально несерьезную, монументальную позу. Положила руки на колени ладонями вверх, словно сдавалась.

Юля положила телефон с включенным таймером на пол между ними. Нажала кнопку «Старт». 00:01

Звуковой сигнал стартового отсчета прозвучал в тишине оглушительно.

Юля вперилась взглядом в Кристину. Она пыталась сохранять нейтральное выражение лица, но мышцы вокруг глаз напряглись — аналитик начал работу. Она сканировала подругу: микро-мимика, влажность конъюнктивы, расширение зрачков в ответ на тусклый свет.

Кристина ответила прямым, немигающим взглядом. Уголки ее губ медленно поползли вверх в еле заметной усмешке. Она начала беззвучно шевелить губами, имитируя игру на невидимой трубе.

00:07 Юля нахмурилась. Она почувствовала первое покалывание в диафрагме. Желание прокомментировать происходящее зудело на кончике языка. Она сжала челюсти. «Это нарушение протокола, — мысленно зафиксировала она. — Субъект Б демонстрирует дестабилизирующее поведение. Уровень кортизола растет».

Чтобы подавить импульс, Юля перевела взгляд на переносицу Кристины. Классический трюк переговорщиков. Смотреть в точку третьего глаза менее эмоционально затратно, чем прямой контакт радужками.

Кристина тут же закрыла один глаз рукой, став похожей на одноглазого пирата. Другим глазом она продолжала смотреть на Юлю, теперь кося так сильно, что казалось, он сейчас закапается внутри черепа.

00:12 Плечи Юли дрогнули. Уголок рта предательски дернулся вниз. Она плотно сжала губы, превращая их в тонкую белую линию. В попытке сохранить достоинство она начала делать глубокие, медленные вдохи, считая про себя: «Вдох на четыре счета, задержка на семь, выдох на восемь. Активация парасимпатической нервной системы».

Кристина, увидев эту дыхательную гимнастику, начала беззвучно рыдать. Слезы градом катились по ее щекам, плечи тряслись от сдерживаемого хохота, но изо рта не вылетало ни звука. Она изображала величайшую трагедию всех времен, сидя посреди мастерской в мужской рубашке.

00:15 Тишина лопнула. Юля резко втянула воздух носом. Губы разошлись, обнажив зубы. Из ее груди вырвался звук — нечто среднее между всхлипом, лаем и скрипом несмазанной петли. Она упала лицом в ладони и затряслась.

Следом грянул смех Кристины — громкий, свободный, освобожденный от правил эксперимент. Она захохотала так, что фляжка в кармане глухо стукнула о дерево ящика. Она

смеялась, запрокинув голову, обнажая горло, и слезы теперь текли не от актерской игры, а от чистого, незамутненного веселья.

— Пятнадцать! — выдавила Юля сквозь спазмы смеха, указывая пальцем на экран телефона. — Пятнадцать секунд! Твоя бабушка проиграла! Статистически! Биологически! Мы невыносимы!

— Мы великолепны! — простила Кристина, хватаясь за живот. — Идеальный штопор! Ты видела свое лицо?! Ты дышала, как астматик-гейша!

Они хохотали минут пять. Без остановки. До боли в скулах, до икоты, до тех пор, пока животы не заболели так сильно, что стало трудно дышать. Юля сползла со стула на пол, свернувшись клубком. Кристина рухнула рядом, подмяв под себя край пледа. Их смех звучал в унисон, сливаясь в один вибрирующий поток.

Наконец приступ истерии пошел на спад. Осталось только тихое похрюкивание и периодические вздохи.

Кристина лежала на спине, раскинув руки крестом, глядя в потолок. — Пятнадцать секунд, — повторила она, успокаиваясь. — Рекорд Гиннеса для двух невротичек.

Юля перевернулась на живот, положив подбородок на сложенные руки. Она тяжело дышала, но глаза ее сияли. Впервые за весь вечер — да что там, за последние несколько лет — в них не было напряженного анализа. Была только чистая, детская радость. — Эксперимент признан недействительным, — заявила она официальным тоном. — Нарушение условий произошло на седьмой секунде вследствие намеренной провокации испытуемого Б. Данные искажены. Требуется повторное тестирование в условиях строгой изоляции.

— Завтра утром, сразу после овсянки без соли, — согласилась Кристина. Она повернула голову и посмотрела на Юлю. Та все еще лежала на полу, растрепанная, с пятном угольной пыли на левой скуле. — Слушай, умник. Почему мы никогда не можем быть серьезными дольше минуты? Почему любая попытка поговорить о вечном заканчивается моим падением с ящика или твоим цитированием справочника по психиатрии?

— Потому что серьезный разговор требует уязвимости, — неожиданно серьезно ответила Юля, переставая играть в ученого. — А уязвимость — это дыра в периметре безопасности. Мой мозг считает любую эмоцию, превышающую порог спокойствия, системной ошибкой. Он пытается перезагрузить систему шуткой. Юмор — это дефрагментация диска. Способ собрать осколки страха в понятную картинку.

— А мой способ — залить всё вином и нарисовать поверх картину, — кивнула Кристина. — Мы обе бежим. Ты — в формулы, я — в краски. Лишь бы не стоять на месте. Лишь бы не чувствовать ту самую дыру, о которой говорила бабка.

Она села, подтянув колени. Посмотрела на часы на стене. Старый советский циферблат с облупившейся эмалью показывал начало четвертого утра. — Бабка ведь не просто так это сказала про молчание, — задумчиво продолжила Кристина, водя пальцем по занозистому дереву ящика. — Она пережила войну. Муж погиб в сорок третьем. Осталась одна с тремя детьми в избе, где мыши замерзали в сенах. Там некогда было разговаривать. Там каждый день был вопросом выживания. И вот представь: зима. Темнота. Керосиновая лампа коптит. Дети спят на печи. А она сидит и чинит ватник. И дед мой, тогда еще живой, сидит рядом и точит пилу. Час сидят. Два. Никто не произносит ни слова. Ни «как прошел день», ни «что на ужин». И им нормально. Тепло. Потому что главное сказано без слов: «Я здесь. Я никуда не уйду завтра в метель. Мы доживем до весны».

Кристина замолчала. В мастерской повисла совсем другая тишина. Не та, неловкая, которую они пытались выдержать минуту назад, а тяжелая, плотная, осязаемая. Тишина понимания.

Юля слушала, не перебивая. Ее пальцы машинально гладили деревянный пол. Она впитывала историю, не пытаясь разложить ее на гормоны. История пахла керосином и шерстью.

— Проблема Алексея с корги, — тихо сказала Юля, нарушая молчание своим обычным аналитическим голосом, но на этот раз в нем не было металла, — заключается в том, что он попытается заполнить тишину. Люди с тревожным типом привязанности воспринимают паузу как отказ. Если я замолчу, чтобы подумать, он решит, что я умираю от скуки. Он начнет травить анекдоты. Показывать видео с YouTube. Он будет бомбардировать меня префронтальным шумом, лишь бы не остаться наедине с фактом нашего существования.

— А ты? — спросила Кристина. — Что будешь делать ты, когда наступит тишина? За столом? В постели? Когда закончатся слова про архитектуру и статистику?

Юля отвела взгляд. Уставилась на свои ботинки, стоящие у порога. Дорогая кожа покрывалась царапинами от московских тротуаров. — Я начну проверять рабочую почту, — честно призналась она. — Или анализировать профиль его друзей в социальных сетях. Искать несоответствия. Мне страшно, Крис. Страшно осознать, что вся эта грандиозная конструкция под названием «личность Юли Александровой» держится на такой тонкой ниточке. Что если убрать мои знания, мой контроль, мою таблицу данных — останется просто испуганная девочка, которая хочет, чтобы ее погладили по голове и разрешили никуда не бежать.

Она подняла глаза на подругу. В полумраке они казались огромными, темными омутами. — Твоя бабушка знала секрет, — прошептала Юля. — Молчание безопасно только тогда, когда ты уверен, что другой человек видит тебя целиком. Даже когда ты ешь и крошишь круассан на водолозку. Даже когда ты пьяна и плачешь над песней Виктора Цоя. Даже когда ты часами рассказываешь про мезолимбический путь вместо того, чтобы сказать: «Мне одиноко».

Кристина протянула руку. Переползла по полу ближе. Медленно, давая Юле время отстраниться, она накрыла ладонью ее руку, лежащую на паркете. — Давай попробуем еще раз, — предложила она шепотом. — Без таймера. Без телефонов. Просто посидим. Минуты две. Я обещаю не строить рожи. Ну... постараюсь.

Юля посмотрела на их соединенные руки. На контраст их кожи. На то, как длинные, тонкие пальцы пианистки (левое полушарие) переплелись с короткими, сильными пальцами художницы (правое полушарие). Она не стала измерять частоту пульса. Не стала оценивать угол наклона кисти.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты начнешь показывать пантомиму, я волью остатки твоего первобытного самогона тебе в ухо.

— Справедливо, — улыбнулась Кристина.

Они остались сидеть на полу. Спина к спине, опираясь друг на друга лопатками. Сначала было неловко. Юля чувствовала каждое движение мышц Кристины, слышала шуршание ее рубашки. Ее мозг лихорадочно искал тему для разговора, цеплялся за звуки улицы за окном — далекий вой сирены, хлопанье форточки.

Но усталость, накопленная за сутки споров, слез и трех часов кофе на Баррикадной, брала свое. Адреналин сменился эндорфиновым откатом.

Юля закрыла глаза. Прислушалась. Она слышала дыхание Кристины — глубокое, ровное, с легким присвистом в правой ноздре (вероятно, следствие старой травмы перегородки, полученной в ходе одного из «уроков»). Она чувствовала тепло, исходящее от спины подруги — физическое излучение живого тела. Около тридцати шести и шести десятых градуса Цельсия. Постоянство температуры гомойотермных организмов.

И впервые за долгое-долгое время мысль о биологии не показалась ей холодной. Температура человеческого тела — тридцать шесть и шесть. Это константа. Базовое условие жизни. То, что остается, когда уходят все слова, все маски, все научные степени и все разбитые сердца.

Молчание длилось не две минуты. Оно длилось гораздо дольше. Город за окном постепенно затихал, погружаясь в самую глубокую фазу сна. Где-то внизу, в квартире скрипача, часы пробили четыре раза. Звук был гулким, деревянным, заполнившим паузу, но не разрушившим ее.

Юля не заметила, как ее голова сама собой склонилась набок, упираясь виском в плечо Кристины. Шерсть рубашки приятно царапнула кожу. Это было неудобно с точки зрения кровообращения шейного отдела позвоночника, но абсолютно правильно с точки зрения всего остального.

Она провалилась в дремоту ровно в тот момент, когда поняла, что ей совершенно не скучно. Ей было спокойно. И тишина больше не была отсутствием звука. Она была наполнена присутствием.

Когда Юля проснулась спустя полчаса от того, что затекла нога, мастерская была залита серым, предрассветным светом. Кристина спала, свернувшись калачиком прямо на ковре, подложив под щеку кулак. Во сне она выглядела невероятно юной и беззащитной, стерегущий демон ее бодрствования ушел куда-то глубоко в подсознание.

Юля осторожно вытянула затекшие конечности. Потянулась, стараясь не шуметь. Подошла к столу, взяла свой смартфон. Экран показал десяток пропущенных уведомлений. Одно из них было от Алексея: *«Судя по уровню сарказма, водолазка должна быть черной. Черный стройнит и отлично скрывает кроику от круассанов. Буду ждать в "Севере" на Патриках в 14:00. Если принесете термометр для измерения частоты моргания — получите скидку на десерт»*.

Юля прочитала сообщение дважды. Легкая улыбка тронула ее губы. Она не стала открывать поле ввода. Не стала отвечать немедленно, следуя правилам геймификации свиданий.

Она положила телефон экраном вниз. Подошла к своему рюкзаку, достала оттуда термос. Металлический, тяжелый, надежный. Тот самый, который она брала на лекции. Налила туда остатки холодного чая с бергамотом. Затем вернулась к спящей Кристине. Аккуратно, одним движением, укрыла ее своим шарфом. Шарф был длинным, хватило обернуть подругу дважды.

Молчать с Кристиной было не скучно. Совсем. И это знание стоило дороже любых открытий в области нейробиологии.

Глава 5. Любовь к себе или эгоизм?

Утро в мастерской Кристины наступало не с первым лучом солнца, которого в ноябрьской Москве всё равно никогда не бывало, а с гула старого холодильника «Саратов». Агрегат включался ровно в семь утра, начинал вибрировать так, что дрожали банки с кистями на полке, и издавал звук, похожий на предсмертный хрип кашалота.

Юля проснулась от этого звука мгновенно, словно сработала внутренняя сирена. Она лежала на диване, укрытая сразу тремя слоями: собственным пальто, пледом навахо и чьим-то старым шерстяным шарфом крупной вязки. Тело затекло от неудобной позы — ночью она спала сидя, прислонившись к подлокотнику. Шея отзывалась тупой болью при попытке повернуть голову.

Кристина всё еще спала на полу, свернувшись вокруг пустых бутылок из-под вина, как кот вокруг грелки. Дышала она громко, с присвистом. Юля посмотрела на часы смартфона. 07:12. Уровень кортизола в крови начал плавный подъем согласно циркадным ритмам. Пора было возвращаться в свою стерильную реальность.

Она встала тихо, стараясь не потревожить хрупкое утреннее равновесие. Прошла к раковине, плеснула ледяной воды в лицо. Посмотрела на свое отражение. Под глазами залегли тени, похожие на синяки от удара. Вчера они спустились на самое дно колодца своих травм, чтобы сегодня попытаться найти там опору.

Пока электрический чайник медленно нагревал воду, Юля достала планшет. Открыла базу данных. Создала новую папку: «Объект: Алексей (Архитектор)». Внутри пока было пусто. Она задумчиво постучала стилусом по экрану. После вчерашнего эксперимента с молчанием идея измерять человека цифрами казалась почти оскорбительной, но привычка искать структуру в хаосе была сильнее брезгливости. Ей нужен был каркас, скелет отношений, прежде чем она рискнет впустить туда плоть эмоций.

— Хватит светить своим айфоном мне в затылок, это нарушает мою карму, — раздалось ворчание с пола.

Кристина села, обхватив голову руками. Ее волосы стояли дыбом, образуя идеальный ореол безумного ученого. Рубашка перекрутилась, открывая бледное плечо с россыпью веснушек. — Доброе утро, лаборатория, — прохрипела она. — Какова статистика выживаемости после ночи на моем коврик? Позвоночник цел?

— Цервикальный отдел требует курса физиотерапии, — отозвалась Юля, протягивая ей кружку с горячей водой. — Твой холодильник пытался вызвать духов умерших советских инженеров. Я думала, он взорвется вместе с твоими засохшими акриловыми красками.

— Это не краски, это концептуальная инсталляция «Агония консьюмеризма», — Кристина приняла кружку двумя руками, грея пальцы. — Спасибо за кипяток. У меня во рту будто эскадрон гусар переночевал.

Она сделала глоток, поморщилась и вдруг замерла. Выражение ее лица изменилось. С похмельной мрачности оно переключилось на какую-то пугающую, звенящую восторженность. Глаза заблестели тем самым опасным огнем, который обычно предшествовал покупке билета в Индию в один конец или решению сделать татуировку на лице.

— Юлька, — прошептала она благоговейно. — Я знаю. Я поняла. Мне вчера открылось Великое Знание.

Юля медленно опустила планшет на колени. Внутренне подобралась, готовясь отражать удар очередного эзотерического прозрения. — Если твое знание включает в себя отказ от мытья головы или необходимость выйти замуж за дерево, я требую немедленно выпить рассол для заземления нейромедиаторов.

— Да иди ты со своим рассолом! — Кристина вскочила на ноги. От резкого движения комната качнулась, но она удержала баланс, широко расставив руки, словно канатоходец. — Дело не в деревьях! Дело во мне! Я прошла марафон!

— Какой марафон? Ты вчера до ванной дойти не могла без моей помощи, — напряглась Юля.

— Не беговой, бестолочь! Марафон желаний! Курс по самооценке от гуру Инги Золотой Поток! — Кристина метнулась к своему рабочему столу, начала судорожно рыться в куче бумаг, выуживая оттуда розовый блокнот со стразами на обложке. — Вот! Я купила его три месяца назад, когда ревела над Денисом, но открыла только вчера вечером, пока ждала твой ответ про водолазку. И там... там всё написано!

Она плюхнулась обратно на ящик, прижимая блокнот к груди, как священное писание. — Всё это время мы искали любовь снаружи! Антон, Денис, Егор, Марк, этот твой архитектор-корги... Мы вели себя как нищенки, которые ходят под окнами богатого дома и просят объедков внимания! А ключ был внутри! Любовь начинается с себя, Юля! Понимаешь? С СЕБЯ!

Юля закрыла глаза. Сделала глубокий вдох носом, медленный выдох ртом. Активация парасимпатической нервной системы. Предотвращение микроинсульта. — Кристина, если ты сейчас скажешь мне «выйти из матрицы» или «поднять свои вибрации», я совершу физическое насилие над твоей розовой книжкой. Любовь к себе — это биохимический нарциссизм. Эгоцентризм, возведенный в культ. Если я начну любить себя так, как предписывают ваши марафоны, я просто перестану нуждаться в ком-либо еще. Моя префронтальная кора скажет: «Ресурсы в достатке, поиск партнера экономически нецелесообразен».

— Вот! — торжествующе ткнула в нее пальцем Кристина. — Вот оно! Твоя главная травма! Ты боишься стать самодостаточной, потому что тогда тебе придется признать, что все эти годы одиночества были твоим выбором, а не проклятием Вселенной!

Она вскочила снова, начав ходить кругами по мастерской, размахивая руками. Похмелье чудесным образом испарилось, сменившись лихорадочным возбуждением новообращенного сектанта. — Смотри! Первое правило Инги: «Ты — центр своей галактики». Второе: «Никто никому ничего не должен». Третье: «Если мужчина заставляет тебя чувствовать хоть малейший дискомфорт — это красный флаг, блокируй без объяснений». Четвертое...

— То есть, если Алексей поставит локти на стол или будет слишком долго выбирать десерт, я должна заблокировать его номер и уйти в закат заниматься йогой на гвоздях? — уточнила Юля ровным голосом. — Где здесь грань между здоровой самооценкой и клиническим аутизмом, Крис? Между любовью к себе и социальным самоубийством?

— Грань проходит через уважение! — Кристина остановилась напротив Юли, уперев руки в боки. Она выглядела как разгневанная императрица. — Самооценка — это иммунитет души, Юлечка! Если у тебя слабый иммунитет, любая бактерия вроде Марка с его дешевым порошком вызовет сепсис. Ты загнешься! А если у тебя сильный иммунитет, ты просто вырабатываешь антитела. Тебе становится скучно с людьми, которые не дотягивают до твоего уровня частоты.

— Частоты чего? Излучения Wi-Fi роутера? — съязвила Юля. — Мои бывшие не были бактериями. Они были сложными системами с собственными багами. Если бы я блокировала каждого, кто заставил меня почувствовать дискомфорт, мой список контактов состоял бы только из доставки еды и службы спасения. Рост личности происходит через фрустрацию, а не через поглаживание собственного эго. Когда Марк довел меня до слез, моя нервная система обновила драйверы. Я стала крепче.

— Крепче для чего? — голос Кристины стал тихим и ядовитым. — Чтобы выдержать следующего мудака? Ты романтизируешь страдание, потому что у тебя нет другого сценария. Твоя мама любила тебя только тогда, когда ты приносила пятерки. Твой отец исчез, когда тебе

было восемь. Твоя программа говорит: «Любовь нужно заслужить, прогибаясь». А Инга Золотой Поток говорит: «Просто будь собой, и те, кому надо, подтянутся».

Упоминание родителей попало точно в цель. Юля почувствовала, как где-то под ребрами туго натянулась невидимая струна. Она положила планшет на диван рядом с собой, аккуратно, идеально параллельно краю сиденья. Жест абсолютного контроля. — Хорошо, — сказала она, сцепляя пальцы в замок на коленях. — Давай разберем твою новую религию логически. Допустим, я полюбила себя. Безоговорочно. Я просыпаюсь утром, смотрю в зеркало и чувствую экстаз от своего существования. Я покупаю себе самые дорогие кремы, хожу на массаж, говорю «нет» всему, что меня утомляет. Я становлюсь Идеальной Женщиной. Замкнутой системой. Энергетически наполненной чашей. Вопрос: куда в эту чашу помещается другой человек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.